

Виктор Вургафтик

Богословие обряда (2)

Июнь – сентябрь 1989

В (1) реальная христианская вера определена односторонним синтетическим тождеством

вера есть вера, тождественная обряду,
но сам обряд не тождествен вере.

Здесь сам обряд – словесное, телесное или словесно-телесное высказывание, имеющее своим содержанием более или менее определённое обращение к Богу и в большей или меньшей степени обращённое к другим людям. Во-первых, следует подчеркнуть, что обращение к Богу является лишь содержанием обряда, т.е. тем, о чём он говорит: если человек только совершает обряд, он своим сердцем к Богу ещё не обращается. Обращение сердцем к Богу – не сам обряд, а вера, тождественная обряду (в дальнейшем под обращением к Богу я всюду, где нет особых оговорок, понимаю обращение сердцем). Во-вторых, за исключением отрешённости от мира, высказывание в присутствии людей, к которым оно не обращено по содержанию, фактически к ним обращено, пусть нередко в очень малой степени, и даже в отрицательной – когда высказывающий старается скрыть от них его смысл. Это относится и к обряду: хотя по содержанию он обращён только к Богу, фактически человек, совершающий его, в той или иной степени обращается и к присутствующим; если же их нет или он отрешён от мира, он совершает не обряд, а внутреннюю молитву, хотя бы она произносилась вслух или была сочетанием телесных знаков или включала то и другое.

Итак, первое предложение одностороннего синтетического тождества означает, что реальная христианская вера есть обращение к Богу и другим людям. Она представляет собою не состояние человека, а совершаемый им акт.

Вера, тождественная обряду, потому реальна, что реален обряд, обряд же реален потому, что совершающий его человек направлен на других людей и благодаря этому вполне реален вместе со своим обрядом: Бог сотворил человека не как самостоятельное существо – это уже результат искажения грехом Его творения, – а как направленное на существа, ему подобные. Атомом направленности человека на других людей является, во-первых, его **обращение к другому человеку**. Поэтому человек, совершая обряд, т.е. в той или иной степени обращаясь к другим людям, и направлен на этих людей.

Но, во-вторых, атомом направленности человека на других людей является его **внимание к высказыванию другого человека**. Степень, в которой один человек имеет во внимании высказывание другого, тоже может быть большей или меньшей и даже отрицательной – если он старается это высказывание не понять. Так как человек, имеющий во внимании высказывания других людей,

направлен на них, он вполне реален. Значит, в его внимании вполне реальны и эти высказывания. Если же какие-то из них совершает человек, не замечающий ни его, ни кого-либо другого (которого может и не быть), т.е. совсем не обращаясь к людям, в нём эти высказывания не вполне реальны. Таким образом, возможна противоречивая ситуация: *одни и те же* высказывания не вполне реальны в том, кто их совершает, и вполне реальны во внимании другого. В частности, во внимании какого-либо человека реальна молитва, исходящая от других людей. Но ей может быть тождественна его вера. Тогда эта вера реальна.

Я имею в виду тот случай, когда человек обращается к Богу словами и телесными знаками (или чем-либо одним), исходящими от других людей и имеющимися в его внимании. Это обращение к Богу и есть вера, тождественная состоящей из них молитве. Но сама эта молитва – как одно только высказывание – имеет обращение к Богу лишь своим содержанием, т.е. вере не тождественна. Во внимании человека может быть и молитва, исходящая от других людей, которой не тождественна его вера. Этой молитвой он к Богу не обращается, т.е. не обращается сердцем. Но он может обращаться ею к Богу формально. Молитва во внимании данного человека, исходящая от других людей, которой он обращается к Богу действительно или формально, пусть тоже называется его обрядом. Об отношении же этом человека к молитве в его внимании, совершаемой кем-либо другим, я буду говорить, что он её *разделяет*. Очевидно, в одностороннем синтетическом тождестве, определяющем реальную веру, обряд можно понимать и в таком смысле.

Итак, обряд данного человека может быть его обращением к другим людям, а может быть высказыванием в его внимании, исходящим от других людей. В обоих случаях обряд вполне реален. Сейчас я хочу соединить эти два его понимания. *Обрядом данного человека* я буду называть словесное, телесное или словесно-телесное высказывание, которое имеет своим содержанием более или менее определённое обращение к Богу и может состоять из высказываний этого человека, обращённых к другим людям, и высказываний других людей, имеющих в его внимании и разделяемых им. Два вида обрядов, которыми мы занимались до сих пор, являются, очевидно, частными случаями обряда в этом общем понимании. Он вполне реален, так как вполне реальны все образующие его высказывания. Значит, реальна вера, тождественная ему. Так я и буду в дальнейшем понимать обряд в одностороннем синтетическом тождестве, определяющем реальную христианскую веру.

Но обряд может быть у человека и в силу его *подчинения людям*, к которому относятся также вера в сам обряд и уступка внешнему воздействию. Говоря о подчинении людям, я всегда буду иметь в виду только такое подчинение. Оно тождественно тому, что у человека есть обряд, т.е. что он совершает одни обрядовые высказывания и имеет во внимании и разделяет другие. Но иметь во внимании и разделять высказывание – то же, что делать его, только не явно, как при совершении высказывания, а про *себя*. Таким образом, подчинение людям тождественно обряду и потому реально. Это тождество, по-видимому, также одностороннее синтетическое.

Наконец, обрядом могут быть тождественны и подчинение людям, и вера. Тогда в человеке совмещается реальная вера с реальным подчинением людям.

Целостная часть обряда данного человека тоже есть его обряд, так как удовлетворяет тому же определению. Если совершается высказывание, являющееся обрядом каждого из данных людей, их группу, взятую в этом высказывании, я буду называть *соборной*, высказывание же это – их *общим обрядом* или *обрядом соборной группы*. Конечно, в него могут входить высказывания людей, которые ей не принадлежат, и не входить какие-то высказывания людей, которые ей принадлежат.

Реальная вера у всех членов соборной группы, имеющих её, тождественна общему обряду, т.е. одному и тому же. Однако отсюда не следует, что у них одна и та же вера, так как это тождество – одностороннее: вера одного тождественна общему обряду, но общий обряд не тождествен вере другого. Я.С. Друскин считал, что Христос, один и тот же для всех христиан, у каждого из них различен; это, видимо, означает и различие их реальной веры. Точно так же, хотя подчинение людям каждого из членов соборной группы, у которых оно есть, тождественно одному – её обряду, нельзя сделать вывод, что у них одно и то же подчинение людям. И, наконец, тождества общему обряду чьей-либо веры и чьего-либо подчинения людям не являются основанием для отождествления абсолютно различного – подчинения людям и веры.

Христос сказал: «слушающий слово Моё и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешёл от смерти в жизнь» (Иоан.5:24); «верующий в Сына Божьего не судится, а не верующий уже осуждён» (Иоан.3:18). Если человек имеет веру, тождественную его обряду, то он реально верующий и, значит, перешёл в вечную жизнь. Итак, человек в акте веры пребывает в вечной жизни. Ввиду того, что вечная жизнь означает свободу, человек в подчинении людям, тождественным его обряду, т.е. в акте отсутствия свободы, не пребывает в вечной жизни. Если подчинение людям не совмещается в нём с верой, тождественной хотя бы внутренней молитве, то он – не верующий; значит, человек в этом акте уже осуждён. Если же у человека – обряд, которому тождественны и вера, и подчинение людям, этот человек онтологически противоречив: можно сказать, что он и в вечной жизни, и вне её, или что человек, пребывающий в вечной жизни, и человек, не пребывающий в ней, – один и тот же; первое предложение разделяет неразделимое, второе – соединяет несоединимое. Для моего разума то и другое непонятно, не говоря уже о непонимании им вечной жизни.

Это онтологическое противоречие относится и к *обряду* человека, если у него – реальная вера вместе с подчинением людям: этот обряд и в вечной жизни, и вне её. Если же в соборной группе одни имеют реальную веру, а другие не имеют даже веры, тождественной внутренней молитве, т.е. участвуют в общем обряде лишь в силу своего подчинения людям, то первые вместе со своим обрядом – в вечной жизни (хотя, может быть, также и вне её), а вторые вместе со своим обрядом осуждены. Но у всех *один и тот же* обряд – общий.

Значит, в этом случае имеем такое онтологическое противоречие: общий обряд и в вечной жизни – в одних членах соборной группы, и осуждён – в других.

Если вера тождественна общему обряду, иными словами, если человек обращается к Богу общим обрядом, то она реальна. Этого для реальности веры достаточно; однако это не необходимо, так как реальна ещё вера, тождественная индивидуальному обряду; но и он невозможен без других людей – без обращения к ним или внимания к их высказываниям и разделения их. В отсутствие других людей не может быть также реального подчинения людям: оно реально только в обряде – общем или индивидуальном. Таким образом, участие в общем обряде для реальности подчинения людям достаточно, но не необходимо.

Согласно пророку Исае, Бог об иудейском народе говорит: «так как этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня, и благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих, то вот, Я ещё необычайно поступлю с этим народом, чудно и дивно, так что мудрость мудрецов его погибнет, и разума у разумных его не станет» (Ис.29:13-14). Содержащееся здесь обвинение относилось, очевидно, и к совершаемым обрядам, в которых иудеи, как оно, по-видимому, показывает, не обращались к Богу сердцем, т.е. не имели тождественной обряду веры, но подчинялись заповедям человеческим. Как же Бог устраняет этот грех? Он поступает с этим народом необычайно, чудно и дивно, так что погибает мудрость его мудрецов, и исчезает разум его разумных. Апостол Павел понимает это как распятие пришедшего в мир Христа (1Кор.1: 17-25). Итак, грех, совершаемый в обряде, которому тождественно подчинение людям, но не тождественна вера, Бог устраняет не в рамках иудаизма, а посредством Христа. Видимо, в иудаизме этот грех неустраним, т.е. относится к его существу. Таким образом, Христос принёс веру, тождественную обряду, которая тем самым и составляет собственно христианство. Тогда подчинение людям без реальной веры есть иудаизм, реальная вера без подчинения людям – христианство, а совмещение подчинения людям и реальной веры можно назвать иудео-христианством. В одной соборной группе могут быть христиане, иудео-христиане и иудеи. При этом граница, разделяющая реальную веру и подчинение людям, проходит между христианами и иудеями и внутри иудео-христиан.

Что такое степень, в которой человек обращается к другому человеку, и степень, в которой человек имеет во внимании другого человека? Обращаться значит открываться, а иметь во внимании значит вникать. Таким образом, чем больше один человек открывается другому, тем в большей степени он обращается к нему, и чем больше один человек вникает в другого, тем в большей степени он имеет его во внимании. Но человек, сохраняющий свои убеждения – какими бы они ни были, – открываясь другому человеку, не в состоянии открыться ему ни в чём, кроме этих убеждений и того, что в них вписано и вписывается сейчас: всё, лежащее в нём глубже убеждений, он высказывает на их языке, т.е. проецирует на их плоскость, заменяет

представлениями, которые вписывает в них. Если он исчерпывающе открывается в своих убеждениях и всё том, что в них вписано и вписывается сейчас, он обращается к другому человеку в наибольшей доступной ему степени. Но положим, он хочет открыться этому человеку полностью. Тогда ему нужно потерять свои убеждения – внешне и внутренне умолкнуть. Потеря убеждений, умолкание есть смягчение сердца, даруемое Богом. Если в ответ на желание полностью открыться человек получает от Бога смягчение сердца и умолкает, то полностью и открывается, т.е. степень его обращения абсолютна.

Аналогично, человек, вникающий в другого человека и не теряющий своих убеждений, не в состоянии вникнуть в нём ни во что, кроме его высказывания, максимально же вникнуть в это высказывание значит вписать его в свои убеждения или увидеть, что это невозможно. Если он вписывает его в свои убеждения, оно получает соответствующий им смысл, если же видит, что это невозможно, оно для него бессмысленно. Этот смысл или эта бессмыслица и является его представлением о человеке, в которого он вникает. В обоих случаях он имеет его во внимании в наибольшей степени, какая ему доступна. Если же он хочет вникнуть в него полностью и в ответ на это желание получает от Бога смягчение сердца, т.е. теряет убеждения, то полностью и вникает в него. Тогда степень, в которой он имеет его во внимании, абсолютна.

Один человек может обращаться к другому или иметь его во внимании и в отрицательной степени. Если обращаться положительно значит открываться, то обращаться отрицательно значит закрываться. Человек, совершающий высказывание в присутствии другого человека, к которому оно не обращено положительно, может стараться скрыть от него смысл высказывания, тогда обращается к нему отрицательно – в той степени, в какой старается скрыть этот смысл. Как видно из сказанного ранее, иметь во внимании положительно значит вникать, а вникать значит стараться вписать высказывание другого человека в свои убеждения, или, что то же, стараться это высказывание понять. Тогда иметь во внимании отрицательно значит стараться высказывание другого человека не понять. Цель, с которой один человек старается не понять высказывание другого, может быть различной; но, как бы то ни было, он имеет его во внимании в отрицательной степени, представляющей собою степень этого старания. И отрицательное обращение, и отрицательное внимание тоже, мне кажется, есть направленность человека на других людей, делающая его вполне реальным.

Положим теперь, что человек, взятый в акте своего обряда, хочет полностью открыться кому-либо через свои обрядовые высказывания или полностью вникнуть в кого-то через его высказывания, входящие в этот обряд. Если Бог отвечает ему на это смягчением сердца, его желание осуществляется: он обращается к некоторому человеку или имеет некоторого человека во внимании в абсолютной степени. В этом случае он в акте обряда теряет свои убеждения, т.е. умолкает (внешне и внутренне – при *совершении* высказывания или внутренне – при *внимании* к высказыванию и его *разделению*). Итак, его обряд прерывается молчанием: имеет начало, но не имеет конца, вместо конца у

него молчание. Мне кажется, в этом молчании человек причастен Царству Божьему. Здесь он имеет реальность, подобную реальности Бога, и у него есть реальная – в этом же смысле – вера – независимо от того, вера ли тождественна его обряду, прерванному молчанием, подчинение людям или то и другое. Если у него в этом обряде есть подчинение людям, он теряет его, если же нет реальной веры – получает веру, имеющую реальность, которая подобна реальности Бога. Христианин ли он, иудей или иудео-христианин, в этом молчании он христианин: если человек хочет через свой совершающийся сейчас обряд полностью кому-либо открыться или в кого-либо вникнуть, и Бог дарит ему для этого смягчение сердца, обряд прерывается молчанием, в котором человек имеет эту полноту и причастен Царству Божьему.

Бог может смягчить сердце человека в его обряде и в том случае, если у него нет желания полностью открыться кому-либо или в кого-либо полностью вникнуть. Тогда обряд прерывается молчанием, где человек причастен Царству Божьему. Может быть, в Русской православной церкви это совершается чаще, чем среди такого же числа людей вне её. Наконец, Бог может даровать это и соборной группе.